

Ч.Диккенс

Тайна Эдвина Друда

Часть II

Оконченная духом Ч.Дик[к]енса
посредством Медиума
Т.П.Джемса¹

Эта часть включает в себе продолжение
(Части I) романа, изданного Автором до
окончания его Жизненного
Поприща

«Cogito, ergo Sum»²

Бедным
и

Честным труженикам всех стран, которых давит Неумолимая рука Нищеты, но для коих скоро настанет великий день *Возмездия*, день, в который они станут рука об руку с самыми Высшими сей земли, –

Посвящаются эти страницы
Автором,

с искренним его уверением, что счастливейшими часами земной его жизни были те часы, в которые он видал старания свои облегчить несчастным бремя жизни увенчанное успехом, или же когда ему удавалось словом или делом способствовать их благополучию.

Публикуется по: ИРЛИ, ф. 2 (А.Н.Аксаков).

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

Первая публикация: *Блаватская Е.П.* Собрание произведений в 24 томах. Т. 1 (1851–1873). М., 2016. О низком научном уровне этого издания см.: Текстовая вивисекция, или как Олег Болдырев издает собрание сочинений Е.П.Блаватской // Ярославское Рериховское общество (офиц. сайт). URL: <http://yro.narod.ru/zaschitim/blavatskaya-zashchita-ot-boldyreva.html>

Чарльз Диккенс (Dickens, 1812–1870) – английский писатель, классик мировой литературы, один из крупнейших прозаиков XIX века.

«Тайна Эдвина Друда» («The Mystery of Edwin Drood») – последний и неоконченный роман Ч.Диккенса. Роман должен был выйти в двенадцати ежемесячных выпусках журнала «All The Year Round», но на момент смерти Диккенса (9 июня 1870 года) было опубликовано только три выпуска, позже были изданы еще три, найденные в рукописях (апрель–сентябрь 1870 года). Таким образом, Диккенс успел написать половину романа.

¹ *Т.П.Джемс* – новый Американский Медиум, Бретлборо (Массачусетс), Соединенные Штаты. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Томас Пауэр Джеймс (англ. Thomas Power James, 1837 – после 1882).

Братлборо (Brattleboro) – город в округе Виндем (штат Вермонт, США) в 130 км от Бостона.

² «Мыслю, следовательно, существую» (лат.) – утверждение французского философа и ученого Р.Декарта (1596–1650).

[От переводчика]

Перевод этого романа сделан мною *прямо* с первой рукописи *Джемса*, которая была писана им в бессознательном состоянии и слово в слово под диктовку, как уверяет Медиум, –
Духа Дик[к]енса.

В напечатанном впоследствии романе оказались странные переделки, которые, по словам критиков, много испортили оригинальность сочинения. Кто взял на себя эту переделку к худшему – неизвестно. Ходят слухи, что Бостонское духовенство *Пресвитерианцев*³ платило большие деньги тамошней типографии за корректурные листы этой повести, которая и вышла совершенно изувеченной. Книга по манускрипту будет напечатана впоследствии.

(Примечание Перевод[чика])

Бостон.
3го Октября
1873.

Предисловие Медиума⁴

В видах удовлетворения общественному любопытству и далёко до полного окончания второй части этого сочинения – я согласился дозволить напечатать некоторые отрывки из оног⁵. Единственной моей целью было желанье дать возможность нетерпеливой публике заранее составить себе мнение о тождественности слога настоящей книги со слогом прочих романов Г[осподина] Дик[к]енса и, таким образом, вполне удостовериться, что это посмертное сочинение пристекает из одного и того же пера.

Результат был тот, которого и следовало ожидать. Некоторым из читателей известные характеристические черты слога Г[осподина] Дик[к]енса тотчас же бросились в глаза, другие, напротив того, не могли найти в этой части ничего такого, что бы могло хоть издали напомнить им о произведениях великого писателя. Один говорил: «Глаголы в этой части романа вовсе не походят на глаголы, обыкновенно употребляемые Дик[к]енсом»; но когда попросили этого критика подкрепить свой довод каким-либо доказательством, то он не сумел привести ни одного примера; одно только знал он, что глаголы были *не те*, потому что кто-то другой заметил ему это! О, достойные представители достойнейшего класса! Но всё же вы заслуживаете несколько более уважения, нежели некоторые вожаки еще худшей категории общества (категории весьма немногочисленной, замечу с удовольствием). Эти господа, сознав бессилие своё найти что-либо достойное справедливого порицания или осуждения в книге, возымели блистательную идею напасть соединенными силами лично на «Медиума», пустив в ход самую бессовестную Клевету, надеясь подобной хитростью отвлечь общественное внимание от самой книги и тем «убить её до рождения»!

Но, к несчастью их, всё это имело весьма мало влияния на читающую публику, которая справедливо рассудила, что личные обвинения, заслужены ли они или нет в несчастном

³ Пресвитерианцев (*англ.* Presbyterians).

⁴ Т.П.Джемс, которому теперь 28 лет, служил до Февраля 1873 г. простым разнощиком при маленькой провинциальной типографии. Джемс с трудом может подписать свое имя и орфография ему совершенно неизвестна (примечанье Перевод[чика]). – *Примечание Е.П.Блаватской.*

разносчиком (*устар.*).

⁵ «В Англии, как известно, уже оставлена мысль окончить посмертный роман Чарльза Диккенса “Эдвин Друд”, но в Америке, именно в городе Братльборо, нашлось лицо, которое берет на себя завершить творение. Впрочем, издатель, понимающий, конечно, что доканчивать начатое Диккенсом нелегко, спешит предупредить публику, что сочинять будет собственно *сам Диккенс*, который передает только чрез посредство одного известного медиума свои измышления сюда, на землю. Имя секретаря, избранного таким образом Диккенсом, *Гилль*. Дальнейшие подробности о всей таинственной процедуре помещены в корреспонденции из Братльборо, напечатанной в спрингфильдском “Республиканце”. Замечательнее всего то, что *сказанный г[осподин] Гилль никогда не читал начатого Диккенсом романа*, – так заверяет, по крайней мере, издатель, обещающий выдать “вторую часть “Эдвина Друда”” в половине сентября месяца» (Окончание посмертного романа Диккенса // *Вечерняя газета* (Санкт-Петербург), 1873, №212, 11 августа).

происшествии молодости⁶, не могут ни на один волосок прибавить либо убавить к достоинству самой книги.

Вероятно, в силу «неисповедимых путей Его»⁷, Господь Бог соизволил сотворить на нашей планете некую Касту людей, которые находя умным, прекрасным и непогрешимым всё, совершенное ими самими, находят всё, деланное другими, «скверным». Идея их о собственной персоне – «великая», идея о прочих смертных – «дрянь»! Такие особы постоянно являются на поле аргументации с непокрытыми головами в полной уверенности, что найдут себе чью-нибудь чужую шляпу, которая хоть и не всегда нравится им, но зато – ловко сидит на голове, да и удобно её носить. Следовало бы полагать после этого, что вследствие такого произвольного выбора они или будут продолжать носить её, или же снимут шляпу и замолчат; но выходит противное: эти оралы продолжают толкаться в толпе, недовольные собой и внушая к себе отвращенье в прочей публике.

В предисловии к этой книге (Г[осподина] Дик[к]енса) говорится иносказательно о двух шляпах: на одной из них читается надпись «*Совиная Мудрость*», на другой – «Невежды, Ханжи». Высшим образом было поучительно видеть, как легко и скоро открыли вышеупомянутые индивидуумы, что обе шляпы как раз приходились им впору. Факт этот дает мне право предполагать, а со мною и многим другим, что характер Мистера *Cansea*⁸ – не утрирован Автором.

Чтобы дать некоторое понятие публике о нелепых предположениях, сочиняемых по поводу авторства этой книги подобными особами, – невзирая на то, что их предположения всегда оказывались во сто крат невероятнее самой истины, называющей эту повесть *посмертным* романом Дик[к]енса, – приведу два примера.

Одна из гипотез следующая: рукопись второй и последней части «Тайны Эдвина Друда» была окончена Г[осподином] Дик[к]енсом при жизни его; после смерти его один из наследников покойного писателя, желая подшутить над публикой, произведя *сенсацию*, послал эту рукопись в Америку и выбрал *меня* агентом своим для издания оной под видом «Посмертного сочинения». Другой вымысел состоит в следующем, – добавлю, что это самый популярный из всех: всю эту штуку сотворила Нечистая Сила! Говорили шепотом, что в известный час ночи его Сатанинское высочество влетает в трубу дома моего, оставляя после себя такой запах серы, что час спустя прохожие задыхаются от него. Полагаю, что редко когда случалось невинной трубе, построенной из безвреднейшего кирпича, обращать на себя большее внимание и вселять такой ужас в народе, как довелось это трубе моей квартиры.

Мне положительно известно, что три или четыре человека ждали по целым часам, – проводя часть ночи в подобном положении перед моими окнами, – в ожидании этого феномена, или, скорее, чертовщины, в полной уверенности, что терпенье их будет вознаграждено лицецерием самого беса; и странно подумать, эти самые люди никак не могут поверить в возможность возврата на землю умершей особы для свидания с друзьями, несмотря на то, что в этом факте они могут убедиться несравненно легче и скорей.

Мне не приходится рассуждать самому о достоинствах либо недостатках этого сочинения. Одно скажу: я передаю его публике слово в слово, как оно было продиктовано мне. Так как всем известно, что я простой и необразованный человек, то никто и не имеет права взыскивать с меня за могущие оказаться в книге грамматические либо другие ошибки. Не стану ни сознавать, ни отвергать их. Конечно, я мог бы легко избежать этого порицания, отдавая предварительно рукопись свою на рассмотрение компетентных особ, которые сгладили бы всё, поправив. Я предпочёл отдать её на суд публики так, как оно было написано – под диктовку автора.

Те, которым хорошо известны все законы спиритизма и его физические проявления, легко поймут, что первое произведение *Медиума* под прямым и непосредственным влияньем овладевающего им духа (*Controlling Spirit*) непременно будет содержать в себе различные неправильности, тем более когда и дух и Медиум – равно новички еще своего дела, и оба не совсем развиты для подобного писания; но я вполне надеюсь, что будущие, обещанные Г[осподином]

⁶ Несколько лет тому назад Г[осподин] Джемс был посажен в тюрьму по подозрению кражи денег из кассы типографии. Но проступок этот не мог быть доказан (прим[ечание] Перевод[чика]). – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁷ Рим. 11, 33.

⁸ Сапси (*англ. Sapsea*).

Имена и топонимы даются по: *Диккенс Ч. Тайна Эдвина Друда* / пер. О.Холмской // *Собрание сочинений в 30 т. Т. 27.* – М.: Государственное издательство «Художественной литературы», 1962.

Дик[к]енсом сочинения через мое посредничество будут вполне очищены от подобных шероховатостей, если только найдутся они в настоящем сочинении.

С истинным счастьем я передаю публике объявление Чарльза Дик[к]енса в том, что первая глава его будущей повести «Жизнь и приключения Боклея Уикльгиппа»⁹ окончена; судя по первым страницам ее и всего характеристического начала, можно смело предположить, что этот роман окажется достойным сравнения со всеми лучшими повестями, написанными автором во время его земной жизни.

В заключение скажу следующее: происхождение¹⁰ настоящей книги и первоначальное заявление о ней основаны не на одном «*ничем не гарантированном уверении моем*», как выражаются некоторые скептики. Правдивейшие в мире, известные честностью своей и прямою люди, всем известные и уважаемые, ручаются за справедливость приводимого мною факта; так как все они были свидетелями и очевидцами и знают наверняка, *из какого источника* являлось писанное мною: они *видали* то, в чем *удостоверяют*.

С сердцем, переполненным благодарностью к тем друзьям, которые так твёрдо стояли за меня во время борьбы моей и тяжких 8^{ми} месячных трудов¹¹, и к тем, которые сумели поддержать падающий дух мой в те горькие часы, когда я чувствовал, что «должен погибнуть среди пути», желаю я клеветникам моим найти что-нибудь полезное и хорошее для них в книге Г[осподина] Дик[к]енса, если уж они решились не находить ничего, кроме скверного, в «Медиуме». С этим желаньем, заранее благодаря читателя за его вниманье, скажу ему: «До свиданья».

Т.П.Джемс.

Братлборо (Вермонт), 25 октября 1873.

Предисловие Автора (Духа Дик[к]енса)

Во время духовной работы моей над этим сочиненьем я несколько раз чувствовал сильное желанье (как это случалось со мною постоянно и во время жизненного поприща моего) узнать скорее, какими комментариями будет оно встречено публикой. Поэтому я искренно обрадовался, когда последнее его слово было дописано, при мысли, что вот теперь я узнаю правдивую оценку его из разнородных мнений читателей и критиков. Если я живо чувствовал подобную боязнь во время моего воплощения, то легко понять, что это чувство усилилось во мне теперь еще более: я отдавал на суд света сочиненье, каждое слово которого могло быть написано только с помощью земных рук, которыми я должен был действовать вроде того, как телеграфист употребляет свой аппарат, посредством которого миллионы слов передаются за тысячи миль в одну секунду и одной силою электричества. Недалёк уже тот день, когда тысячи и десятки миллионов людей, считающих теперь *спиритизм* за пустую бредню и за шарлатанство, поверят и лучше поймут его, чем понимают его теперь; в тот день человечество усовершенствуется, а те, которые окончили свое земное поприще, равно как и те, которым скоро предстоит конец его, возрадуются при мысли, что милые сердцу их родные и близкие, оставленные ими на далёкой земной планете, смотрят на отсутствие их только как на *временную разлуку* и не томятся более неизвестностью. Как мало понимают еще люди всю мудрость и благодать Всевышнего творца, создавшего каждую былинку с мудрой целью... Того, который, несмотря настолько на бесчисленные доказательства, рассеянные Им перед глазами земных детей Его, – в полное подтверждение того, что ничто не пропадает бесследно в природе, – видит, как немного еще есть между ними тех, которые верят искренно в бессмертие души человеческой, этой частицы собственного Духа Его!

В этом сочиненьи я не имею никакого намерения влиять на кого бы то ни было или заставлять кого изменять своему прежнему мнению. Конечно, я был бы рад видеть кровных близких и всех земных друзей моих, внимательно вникающих в сокрытую истину, содержимую в этой науке, –

⁹ Англ. «The Life and Adventures of Bockley Wicklehear».

¹⁰ Далее зачеркнуто: *этой*.

¹¹ Очевидцы странных феноменов, овладевающих Джемсом во время его бессознательного писания, говорят, что страдания его доходили до такой невозможной муки, что много раз присутствующие при нем доктора серьезно боялись за него, ожидая, что дух покинет тело его каждую минуту (примечание Перевод[чика]). – *Примечание Е.П.Блаватской*.

религиозной науке, добавлю я, – чувствуя, что это принесло бы им более счастья и пользы, нежели всё земное прочее. Никто не имеет права отвергать того, чего он еще не знает, не имея самых разумных доказательств под рукой для подкрепления своего неверия. Доказательства же противные – в пользу *спиритизма* – под рукой у всякого. Но если вам и так хорошо жить на свете, или же если вы боитесь уронить этим свое достоинство, то, как хотите, но пощадите Вы, по крайней мере, чувства любимых вами когда-то и перешедших в духовный мир друзей! Не побивайте их презрением, не делайте посмешища из того, что для них есть *живая истина*, если уж сами вы не хотите знать правды!

С этой самой минуты, как посредством Медиума я объявил о желании моём продолжать начатое мною на земле сочиненье, я следил за мненьями людей. Горько мне было иногда видеть, как старались они в различных статьях всего света обратить эту идею в насмешку, но, сознаюсь, не менее было забавно мне следить за неутомимыми кривляньями «Совиной Мудрости» якобы в лице тех невежественных ханжей, которые воображают, что «весь свет был создан только для людей, а люди эти они сами и есть». И жаль нам этих устарелых дураков и вместе с тем утешительно подумать, как наказаны будут они, когда, покинув на земле свое грешное тело, о котором они такого высокого мнения, они явятся сюда и найдут, что этот новый для них мир совсем не то, что они воображали себе о нём на земле.

Искренно надеюсь, что найдётся еще достаточно честных людей обоего пола, которые, прочитав эту книгу, не станут повторять вместе с прочими, что «всё это плутни», как выражались многие далёко до появления ее в свет и не прочитав еще ни единой строчки из нее; но что искренние и справедливые особы легко проследят в этом сочинении одно и то же постоянно одушевляющее автора чувство – теперь, как и при жизни его, – желания заинтересовать читателей своих в пользу разыгрывающих его «актеров». Если я хоть сколько-нибудь успел в этом и доставлю публике хоть несколько часов развлечения, которые, если и не сделают её лучше, то, по крайней мере, заставят на минуту забыть все земные дрязги, то я останусь довольным.

Не могу кончить, не заявив всем милым моим дорогим друзьям, которых я так любил на земле, – с каким горячим чувством я жду прибытия их сюда: собственный опыт докажет им лучше всяких слов, сколько истины заключается в моих рассказах на различных сеансах о нашей настоящей, а для них – «будущей жизни»¹². Бог да сохранит вас и благословит. Вот самая горячая моя молитва.

Ч. Дик[к]енс.

Примечание Переводчика Издателю

Находя ненужным снова переводить то, что было уже многократно переведено русскими журналами, т.е. 1¹⁰ Часть неоконченного романа Ч. Дик[к]енса «Тайна Эдвина Друда»¹³, я начинаю свой перевод с 23^й главы Сочинения, во время которой смерть Автора прервала работу великого Писателя, а «Тайна» оставалась неразгаданной до той минуты, когда духу Дик[к]енса удалось овладеть Медианимической способностью некоего юного, но далеко не презентабельного Бостонца. Я видала его несколько раз в нормальном виде и во время писания под диктовку невидимой силы, называющей себя Чарльзом Дик[к]енсом. Привычные стенографы едва успевали следить за словами Медиума, который писал, повторяя вслух писанное им, не останавливаясь ни на минуту. Не входя в напрасные рассуждения, повторяю только буквально то, что сама видала.

Е[лена] Б[лаватская].

¹² В Англии, как и в Америке, Ч. Дикенс часто является на зов во время сеансов и посылает различные повести и рассказы друзьям и родственникам. Многие из них печатаются спиритическими журналами (прим. Перевод.). – *Зачеркнутое примечание Е. П. Блаватской.*

¹³ См.: Русский вестник, 1870, Приложение; Всемирный труд, 1870, №3–6, 8–12; Собрание иностранных романов, рассказов, повестей, 1870, кн. 4–10; Заря, 1870, №4–10; Отечественные записки, 1870, Приложение, №5–10; СПб., 1870 (издание Е. Н. Ахматовой).

Оглавление

Главы, написанные Ч.Дик[к]енсом – при жизни.

- I. Заря.
- II. Декан и приход.
- III. Монахиня.
- IV. Мистер Сапсеа.
- V. Мистер Дёрдлс¹⁴ и друзья.
- VI. Филантропия в углу Минор-Канона¹⁵.
- VII. Более поверенностей, чем нужно.
- VIII. Кинжалы готовы.
- IX. Птички в кусте.
- X. Выравнивая дорогу.
- XI. Картина и кольцо.
- XII. Ночь с Дёрдльсом.
- XIII. Оба стараются.
- XIV. Когда эти трое встретятся снова?
- XV. Обвинён.
- XVI. Преданный.
- XVII. Филантропия, профессиональная и простая.
- XVIII. Поселенец в Клойстергаме¹⁶.
- XIX. Тень на солнечных часах.
- XX. Бегство.
- XXI. Встреча.
- XXII. Шероховатое время настало.
- XXIII. Опять заря.

Главы, продиктованные Ч.Дик[к]енсом – по смерти.

- XXIV. Что рассказывал орган.
- XXV. Свет проливается на Степл-Инн¹⁷.
- XXVI. Джон Джаспер видится с Агентом, а Читатель |знакомится с Педларами¹⁸.
- XXVII. Цепь куётся.
- XXVIII. Читателя отправляют в Биликинскую¹⁹ Гавань, где он встречает старого знакомого.
- XIX. Встреча и Признание.
- XXX. Другая ночь с Дёрдльсом.
- XXXI. Миссия Фоперти²⁰ и внезапное исчезновение.
- XXXII. Отворяющая двери Мистеру Брóbите²¹.
- XXXIII. Представляет публике Джо Слоджерса²², и что из этого происходит.
- XXXIV. Трактует о разных разностях, и для вящего объяснения предыдущей Главы знакомит Читателя с Мистером Питером Пеккрафтом²³.
- XXXV. В которой Мистер Грейжиус²⁴ заботится о благосостоянии питомицы.
- XXXVI. Счастливая встреча.

¹⁴ Дёрдлс (*англ.* Durdles).

¹⁵ младший каноник (*англ.* Minor Canon).

¹⁶ Клойстергэм (*англ.* Cloisterham).

¹⁷ *Англ.* Staple Inn.

¹⁸ *Англ.* Padler.

¹⁹ *Англ.* Billickin.

²⁰ *Англ.* Fopperty.

²¹ *Англ.* Vrobity.

²² *Англ.* Sloggers.

²³ *Англ.* Peckcraft.

²⁴ Грюджиус (*англ.* Grewgious).

XXXVII. Джон Джаспер страдает нервами, а Мистер Сапсеа оскорблен в своём достоинстве.

XXXVIII. Розы и тернии.

XXXIX. Попутчик догоняет Невидимые Силы, а Мистер Грейжиус зрит картину и кольцо.

XL. Путешествие Мистера Пеккрафта в Клоистергам. Эдвину Друдю позволяют встать и объясниться.

XLI. Свидание Мистера Пеккрафта с Джаспером заставляет последнего принять сильное решение.

XLII. Заря для других, для Джаспера ночь.

XLIII. Старый друг является, а старая пословица оправдывается.

XLIV. Приводит читателя к тому месту дороги, где должно проститься.

XLV. Берег достигнут и мы должны сказать – до свиданья.

XLVI. Заключение.

Глава XXIV Что распевал орган

Хор отправился. Регент *не* отправился, но остаётся еще после ухода подчиненных, как это случается с ним по временам; один раздувающий меха мальчишка остается с ним для компании.

Он сидит теперь перед органом и разыгрывает одну из бессмертных сонат Бетховена²⁵; и по мере того как под его мастерскими пальцами звуки то раздаются²⁶ громче и громче, то понижаются почти до шепота, он весь предается музыке и как бы забывается в переливах дивной гармонии, производимой его собственными руками. Когда временами раздается аккорд мягче и сластнее еще предшествовавшего, а сам инструмент как бы трепещет и стонет, ему мерещится, что весь воздух наполнен сладкими голосами; Мелодия переходит в торжественный громовой гул – он чувствует возле себя присутствие *Чего-то*, что стоит возле него, и голосом, похожим на жалобное завыванье ветра, он шепчет имя – имя Эдвина Друда!

Но он всё-таки играет, не замечая вокруг себя ничего, кроме всепоглощающего своего инструмента, и Мелодия продолжает изливаться сотнями гортаней своих.

Вдруг он слышит другой голос; голос, еще нежнее прежнего, чудится ему в Мелодии; грустный, жалобный голос шепчет имя... Имя это напоминает ему прелестную девушку, которая много лет тому назад, очнувшись от чудного сна любви и увидя себя обманутой, умерла от разбитого сердца.

Всё-таки Мелодия продолжается; на клиресе раздаётся лёгкий шорох – тихие шаги приближаются к нему, но он не слышит ничего, кроме голосов, и Мелодия не перестает. Тихо, но всё ближе раздаются шаги и неслышно останавливаются за органом. Быть может, мозг раздувающего меха мальчишки до такой степени пропитан Мелодией, что он в первую минуту не видит и не слышит, как к нему подходит кто-то и стоит за спиной его. Быть может также, что *никакой* мозг *никакого* раздувающего меха мальчишки не подавал никогда более очевидных признаков страха, как в эту минуту, когда глаза его останавливаются на некой странной фигуре. Раздаётся писклявый, пронзительный крик, и мальчик пропадает из виду, оставляя Регента Хора, вперившего взор на лицо, которое тарачит на него из-за органа свои кошачие, слезливые глазки. Еще секунда, и он узнает Принцессу Курилку.

Смешанное чувство сомнения и изумления выражается на лице Джаспера; удивление как бы парализует джасперовские уста, которые не испускают ни малейшего звука. Но старуха, видимо, не разделяет его смущения: с лукавой улыбкой и кошачьей поступью подходит она ближе, всё ближе к нему, вот подошла и, наклоня к его лицу свою лукавую рожу, шепчет:

«Ох, родименький, бедные мои лёгкие находились в таком плохом состоянии, что я почувствовала как бы какую необходимость в перемене воздуха; вот я и прибрела сюда. Много годов, долгих годов, голубчик, прошло с тех пор, как видала я *нутро* святых мест; думаю, возьму да отдохну в них; и не прошло и пяти минуточек, как глянь, а ты здесь, наверху; я так обрадовалась, когда узнала тебя, что даже махнула тебе ручкой, да ты не видал того, – так говорю я себе: подожду чуточку и может случай подвернется поговорить с ним, коли, по крайности, никто не увидит нас».

Джон Джаспер оправился, но лицо его бледно от злости при этой фамильярности старухи. Он чувствует, что напрасно было бы ему отпираться от своего имени или же сделать вид, что не узнает её, и поэтому, принимая приятный и добродушный вид, он спрашивает её, какая её нужда до него.

«Всё для твоего же блага, ягнёночек, для твоего же блага; Чудо Небесное, да и только, что встретила я тебя так нечаянно. Нечего тебе бояться, мой красавчик, что я узнала тебя. Милость это Божья для тебя; теперь ты сам пожелаешь, чтобы я приходила да приносила с собою тебе лучший товар свой. Я останусь в *Двухпенсовом*, видишь ли, и могу давать тебе знать из-под руки, когда могу встретиться с тобой. Я стану приносить лучшие горшочки с трубочкой и порошком – и ты можешь держать всё это у себя на *фатере*²⁷, прямо у себя, голубчик, не рискуя своего драгоценного животика, лазая по тем старым, гнилым лестницам, которые чуть не вышибли весь

²⁵ Людвиг ван Бетховен (1770–1827) – немецкий композитор и пианист.

²⁶ Далее зачеркнуто: *всё*.

²⁷ квартире (*устар., прост.*).

дух из меня, пока я не попривыкла к ним. Не для всякого бы сделала я, дружочек, то, что делаю для тебя, – да и для тебя бы не стала делать, когда бы не жалела тебя, сироту».

Мистер Джаспер, видимо, мало разделяет дружбу, звучащую в речах Курилки; но, кивнув утвердительно головой, спрашивает:

«Какая твоя еще другая цель в этом свидании?»

Сильный пароксизм кашля мешает ей тотчас же отвечать ему, но, утихнув немного и оправившись, она говорит:

«Не называй это целью, дружочек, так как ты знаешь лучше сам в глубине сердца твоего. Один случай свёл меня с тобой, вот вся правда. Но теперь, так как мы здесь одни с тобой лицом к лицу, голубчик, и никого здесь нет такого, кто бы подслушал нас, может ты и согласен будешь потолковать со мною побольше о том путешествии... за морями... Может также, прежде чем ты покончишь с ним, тебе понадобится помощь; так знай, родименький, что я всегда буду стоять за тебя как самый верный друг, не бойся», – добавляет она с хитрым, лукавым взглядом, говорящим красноречивее всех слов.

Внимательно, очень внимательно смотрит Джон Джаспер в морщинистое лицо женщины, как бы стараясь заглянуть в самую глубину сердца старой ведьмы; в свою очередь она не спускает с него глаз, искрящихся тем же лукавством, которое блестит в животных кошачьей породы... Наконец, Джаспер заливается громким хохотом. Отойдя немного от нее и снова приблизясь, он быстро произносит следующее:

«Милая моя, овладевшая было мною несчастная привычка курить опиум, привела меня в соприкосновение с весьма странной компанией. Привычка эта заставила меня также искать твоего общества, чего бы никогда не было, если бы только я мог подозревать, до какой степени ты глупа и тупоумна, – что ты и доказала сегодня. Но я желаю оказать тебе снисхождение, веря, что ты еще не совсем оправилась от последнего опьянения. Поэтому спрошу у тебя одно: отправишься ли ты сейчас же назад в Лондон, так чтобы я и духу твоего не слышал более, или же предпочитаешь, чтобы всякий назначенный тебе фунт стерлинга отправился²⁸ в карман соперников твоих? Понимаешь ли ты меня?»

Он сурово смотрит ей в лицо, но она возвращает ему взгляд за взгляд с той же лукавой улыбкой.

«Ну, ну, ладно, голубчик, – говорит она в ответ примирительным тоном, – надеюсь, что ты извинишь старуху, которая от души желала услужить тебе. Коли не хочешь, так я и не вернусь сюда более, ягнёночек, но поберегу для тебя лучший товар свой, когда ты завернешь ко мне случаем. И так, призываю Божие благословение на вас, мой добрый господин, счастливо оставаться».

И одержимая снова тяжелым пароксизмом кашля, который продолжается до самой выходной двери Собора, она исчезает и направляется к трактиру *Двух Пенсов*; но едва достигнув первой удобной позиции, скрывающей её, по собственному соображению, от взоров Музыкального Учителя, она грозит кулаком по направлению Собора и лицо ее принимает самый дикий вид.

«Так, так, мой цыпленочек! – бормочет она свирепо. – Так ты легко и отделаешься от меня. Как не так! Теперь-то я узнала тебя наверняка. Ты можешь надуть другого кого, да только не меня. Мое время еще не пришло, да и недолго придется ждать еще, скоро, скоро настанет и мой денек. Можем и повременить!» – и с этой угрозой она удаляется.

Мистер Джаспер горячо надеется, что никто не заметил старуху в то время, как она выходила из Собора, так как он боится расспросов. С этой мыслью Мистер Джаспер приближается к окну, дабы вполне убедиться в том, что она действительно ушла. Он следит за нею глазами, пока она окончательно не пропадает из виду, и намерен уже удалиться сам, когда слух его поражается напевом, который он слышал где-то прежде:

Уйде – уйде – ти!

Я словил его – после десяти,

Уйде, уидё ду!

Коль – не пойдёт, – камень – я – возьму.

Уйде, уйде, уик! В него – пу-щу!

²⁸ Далее зачеркнуто: *бы*.

«Неприятности гуляют компанией»²⁹ – говорит старая пословица, которая и применяется в эту минуту к Джасперу; едва освободился он от присутствия старухи, радуясь, что она исчезла незамеченной, как, взглянув по направлению голоса, он открывает Депутата, который, широко раскрыв глаза и рот, тарашится на него через полуоткрытую дверь.

Он идёт к мальчику, но дошед до двери, находит, что сей юный джентльмен мигом очутился уже на другой стороне улицы, откуда и рассматривает Музыкального Учителя с весьма вызывающим видом; вооружившись вдобавок приличной величины камнем, который он приготавливает в руке с таким видом, что Джасперу остается лишь убедиться окончательно в его намерении пустить ему им в голову при первом удобном случае.

«Это ты что вздумал беспокоить меня своим визгом, нахальный мальчишка?» – спрашивает Джаспер, подвигаясь ближе к неприятельской линии.

«И не думал беспокоивать вас, – получает он в ответ от Депутата, который, впрочем, пятится на несколько шагов назад. – Да гляди в оба, прошу не трогать меня опять, не то я махну вона этим кремёнком прямо в глаз; Вы разорвали уж мне подтяжки раз, Вы, *Джарспер*, да стара штука, другой раз того не будет».

«Я вовсе и не желаю трогать тебя, болван, – говорит Джаспер, в то время как новая внезапная мысль мелькает у него в уме. Взяв в кармане несколько мелких монет, он показывает их мальчику, продолжая. – Сослужи мне службу, и я тебе дам всё это».

«Какую такую службу», – осведомляется «Чертов Младенец», всё еще сомнительно косясь на него.

«Подойди поближе и тогда узнаешь».

«Да вы не труните надо мной?» – спрашивает мальчишка подозрительно.

«Для чего мне обманывать тебя?»

«Так скажите так: “Пусть лопнут глаза мои, коль надую я его”», – подсказывает Депутат.

«Что ж, пожалуй, – говорит добродушно Джаспер. – Пусть лопнут мои глаза, коль я надую его».

«Ладно, *Джарспер*, – восклицает мальчик, решаясь подойти к Регенту. – Ну, а теперь, что может малый сделать для вас?»

«По-первых, я хочу знать, видал ли ты одну особу, которая только что вышла отсюда, и узнаешь ли её, коли опять увидишь где?»

«Коль скажу, что не видал её, то совру, а коль присягну, что узнаю её опять, коль увижу, так то будет правда».

«Хорошо, – говорит Джаспер, – так теперь я хочу, чтобы ты следовал за ней, куда бы она ни пошла, и узнал бы, уехала ли она в Лондон; сделай всё это проворно и ты получишь шиллинг от меня в награду, – только смотри, не пытайся обмануть меня, не то я выдеру палкою всю жизнь из тебя».

«*Джарспер*, – с важностью заявляет Депутат, – я никогда не надую. Коль раз сказал, что сработаю вам что, так тому и быть. А куда мне прийти за шиллингом», – добавляет мальчик.

«Приходи ко мне на квартиру через час, и если я останусь довольным тобой, то не бойся, не будешь каяться».

Мальчишка издает внезапно длинный, пронзительный свист; разом отбросив камень, который он продолжал держать в кулаке в виде предохранительной меры против фантастического Дердльса в образе тумбы, стоящей на другой стороне дороги, он бросается со всех ног по направлению трактира «Двухпенсовый приют Путешественников».

²⁹ Англ. troubles never come singly.